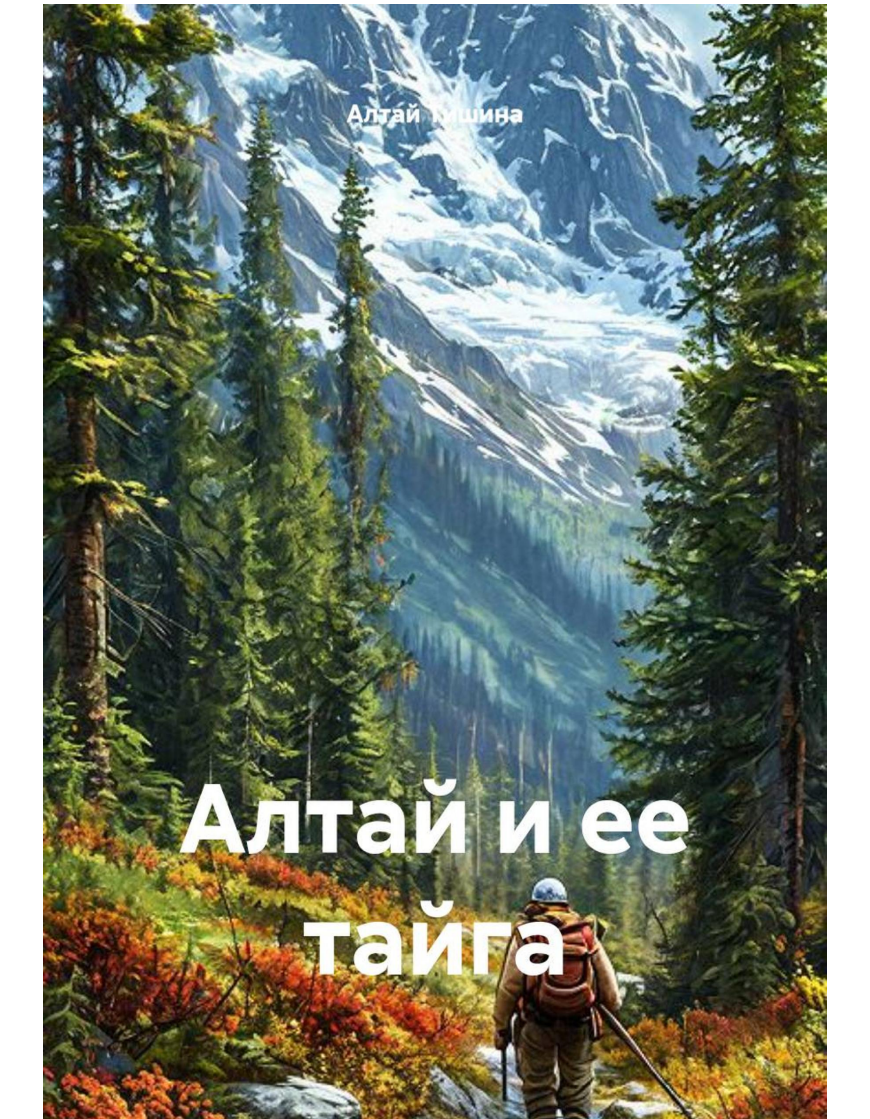

Алтай Кушина

Алтай и ее тайга

Алтай Тишина

Алтай и ее тайга

<https://litres.ru/74415463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как суровый Алтай, может стать ласковым и одновременно кровожадным, но семья пасечника выросла здесь и может различать кто и как прошел пролетел, как медведь помог им, они помогли медведю.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алтай и ее тайга

Глава

«Сердце черневой тайги» Алтайские предгорья дышали осенью. Тяжёлое серое небо низко висело над хребтами, будто прижимало к земле всё живое, не давая забыть: здесь человек — гость, а хозяйка — тайга. В узкой долине, где речка Серебрянка, бурля, пробивала себе путь между валунами, стояла изба Ивана. Глава 2. Старая, потемневшая от дождей и ветров, она всё равно казалась частью этого места — как будто выросла из самой земли, обросла мхом и корнями, чтобы стоять тут вечно. Иван уже не считал свои годы. Для него время шло не по календарю, а по ритму тайги: по разливам Серебрянки, по первым метелям, по тому, когда кедр сбрасывает шишки, а медведь уходит в спячку. Он знал тайгу, как знает человек собственное тело: где под тонким мхом прячется коварная трясина, где на склоне в бурю падают деревья, где в густых зарослях папоротника прячется глухариный ток. И тайга, казалось, знала Ивана. Глава 3. Рядом с ним всегда были дети и жена: Павел, крепкий, молчаливый, в движениях — точная копия отца, и Валерия, лёгкая, быстрая, с глазами, в которых отражался свет костров и блеск речных перекатов. Они росли не в городе, а в лесу, и лес учил их молчать, когда нужно, и говорить громко, когда молчание

опасно. Глава 4. Они умели читать следы, различать голоса птиц, понимать, когда ветер несёт дождь, а когда — беду. Семья жила пасекой. Не ради денег, не ради славы — ради порядка. Ульи стояли на солнечной поляне, окружённой старыми кедрами, и жужжание пчёл было для них таким же привычным звуком, как шум ветра в кронах. Иван учил детей: «Пчёлы — как тайга: если с ними грубо, они накажут. Если с уважением — поделятся самым дорогим». Глава 5. Однажды осенью, когда дни стали короткими, а ночи — злыми от холода, в тайге объявился медведь-людоед. Слухи пришли из соседних деревень: зверь не боялся людей, выходил к окраинам, переворачивал ловушки, ломал заборы. 6 глава. Говорили, что он крупный, свирепый, и в его повадках нет ни осторожности, ни страха. В деревне зашептались о лицензиях на отстрел. Люди хотели защитить себя, и это было понятно. Но для Ивана эта новость была как удар в грудь. Он знал медведей. Знал, что зверь редко становится людоедом просто так: чаще его гонит голод, боль или страх. А ещё он знал одного старого медведя, который годами ходил вокруг его пасеки. 7 глава. Огромный, седой на морде, он был словно страж границы между миром людей и миром леса. Иван не раз видел его следы у калитки, находил сломанные ветки там, где медведь проходил мимо, не спеша, будто проверяя: всё ли в порядке. Он оставлял для него мёд в деревянной плошке у края леса — не как приманку, а как знак: «Я помню тебя. 7 глава. Ты здесь свой». Когда Павел пришёл с вестью о лицен-

зии, Иван молча посмотрел на сына, потом перевёл взгляд на Валерию, которая стояла у печи, теребя край платка.— Мы не будем стрелять в него, — тихо, но твёрдо сказал Иван.— Пока не увидим, что это он. Павел нахмурился.— Отец, люди боятся. Если это тот самый, его нужно остановить.— Значит, остановим. Но не пулей. Валерия подняла глаза.— А как? Иван вздохнул, будто вбирая в себя тяжесть тайги. 8 глава.— Есть тропы, которые знаем только мы. Есть места, куда он пойдёт, если его не гнать. Мы уведём его туда, где он не встретит людей. Три дня они готовились. Иван вспоминал старые тропы, те, что вели в глухие распадки, где даже зимой не бывает людей. Он чертил углём на доске линии, объяснял, как обойти опасные места, где можно поставить ложные следы, чтобы сбить зверя с пути. Павел слушал внимательно, задавал вопросы, проверял снаряжение. 9 глава. Валерия собирала припасы: сушёные ягоды, лепёшки, тёплый чай в фляге. Она знала, что в тайге холод приходит незаметно, и лучше быть готовым. На четвёртый день они вышли. Утро было серым, туман стелился по земле, цепляясь за кусты и корни. Тайга встретила их тишиной — такой глубокой, что каждый шаг отдавался внутри, как удар сердца. Они шли цепочкой: впереди Иван, за ним Павел, замыкающей — Валерия. Следы медведя нашлись быстро: глубокие, тяжёлые, они вели к ручью, где зверь пил воду. Дальше тропа уходила в густой ельник, где ветви опускались низко, почти касаясь земли.— Он здесь, — прошептал Иван, присев на корточки и проводя

пальцем по отпечатку лапы. — И он голоден. Павел сжал рукоять ножа, который носил на поясе. — Если он нападёт... — Не нападёт, — оборвал его Иван. — Мы не враги ему. Мы просто покажем дорогу. Они двигались осторожно, оставляя на видных местах куски вяленого мяса, чтобы зверь шёл за запахом, но не приближался. Иван знал: медведь умён. Он поймёт, что за ним следят, но если не чувствовать угрозы, он не станет бросаться. К полудню туман рассеялся, и солнце, бледное и холодное, выглянуло из-за туч. Тропа пошла вверх, к старому кедровнику, где деревья стояли плотно, а земля была усыпана шишками. Здесь Иван остановился, поднял руку. — Дальше он пойдёт сам, — сказал он. — Мы оставим ему еду у большого камня. Там тропа уходит в распадок, к озеру, где рыбы много. Он пойдёт туда. Они положили мясо, отошли на безопасное расстояние и затаились за поваленным стволом. Время тянулось медленно, как смола, застывающая на коре. Птицы молчали, будто тоже ждали. И вот он вышел. Огромный, тяжёлый, с тёмной шерстью, поседевшей на груди. Медведь остановился, понюхал воздух, подошёл к мясу, взял его и, не оглядываясь, двинулся дальше — туда, куда вела тропа, которую знал только Иван. Когда зверь скрылся за поворотом, Павел выдохнул. — Получилось, — прошептал он. Иван кивнул, но в глазах его была не радость, а усталость — та, что приходит после долгой битвы, когда оружие не понадобилось, но напряжение было таким сильным, что тело помнит каждый миг. Валерия подошла к отцу,

обняла его за плечи.— Ты знал, что так будет.— Я надеялся, — поправил её Иван. — В тайге нельзя знать наверняка. Можно только верить, что ты её понимаешь. Они вернулись домой, когда солнце уже садилось, окрашивая вершины гор в багряный цвет. Изба встретила их теплом и запахом хлеба. Иван сел на лавку, снял шапку, провёл рукой по седым волосам. Павел разжигал печь, Валерия наливала чай. Вечером, когда за окном стало совсем темно, Иван вышел на крыльцо. Холодный воздух обжёг лицо, но он не спешил уходить. Где-то там, в глубине тайги, старый медведь шёл по тропе, которую ему показали. И пока он шёл, пока дышал, тайга оставалась живой. Он посмотрел на небо, где зажигались первые звёзды, и тихо, почти шёпотом, сказал:— Спи спокойно, старик. Я тут. Всё будет хорошо. А потом вернулся в дом, где его ждали дети. Где пахло мёдом и хлебом. Где огонь в печи был тёплым, а тишина — доброй. С тех пор в деревне говорили, что медведь-людоед ушёл в глухие места и больше не тревожил людей. Кто-то верил, что его застрелили охотники, кто-то — что он сам ушёл, почувствовав приближение зимы. Но Иван, Павел и Валерия знали правду: тайга — не враг, она просто живёт по своим законам. И если ты слышишь её голос, если уважаешь её силу, она ответит тебе тем же. Они оставались одним целым с тайгой — не потому, что покорили её, а потому, что научились быть её частью. И в этом была их главная сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.